

УДК 343.54

Конорезов Николай Андреевич

аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет

Konorezov@list.ru

Nikolay A. Konorezov

Postgraduate student of the Department
of Criminal Law and Criminology,

Kuban State University

Konorezov@list.ru

**Обман как способ понуждения к действиям сексуального характера
(ст. 133 УК РФ)**

**Deception as a way of forcing sexual acts (Article 133 of the Criminal Code of
the Russian Federation)**

***Аннотация.** В статье подвергается анализу общественная опасность понуждения к действиям сексуального характера при обмане потерпевшего. Посредством историко-правового и сравнительно-правового метода научного исследования, а также, с опорой на достижения доктрины частного права, рассматривается обманный способ получения согласия жертвы на вступление в половой контакт. Принимая во внимание, что обман, как и другие способы понуждения к действиям сексуального характера, препятствует добровольному и самостоятельному формированию согласия лица, автор приходит к выводу о целесообразности более полной охраны половой свободы личности, в том числе от понуждения путем обмана.*

***Ключевые слова:** половые преступления, понуждение, обман, половая свобода, харассмент.*

***Annotation.** The article analyses the social danger of inducing a sexual act by deceiving the victim. By means of historical and comparative legal method of scientific research, as well as based on the achievements of private law doctrine, the deceptive way of obtaining the victim's consent to sexual intercourse is considered. Considering that deception, as well as other ways of inducing sexual acts, interferes with the voluntary and independent formation of consent of the person, the author concludes that it is advisable to protect the sexual freedom of the person more fully, including from inducement by deception.*

***Key words:** sexual crimes, compulsion, deception, sexual freedom, harassment.*

Общемировая тенденция по усилению правовой защиты неприкосновенности личности достаточно ярко проявляется в контексте современных гарантиях по охране половой свободы личности от каких-либо внешних воздействий. Известно, что понуждение к действиям сексуального характера сопровождается

отсутствием добровольности вступления в сексуальные отношения, в связи с чем, оценивается социологами в качестве вида негативной девиации. Хотя на сегодняшний день достаточно подробно вопросы уголовно-правовой характеристики и квалификации понуждения к действиям сексуального характера отражены в юридической литературе, остается неразрешенной проблема рассмотрения содержания данного преступления за рамками его законодательной конструкции, то есть *de lege ferenda*. В контексте полноценного обеспечения безопасности личности от сексуальных домогательств, настоящая тема только актуализируется.

Признаки состава преступления, предусмотренного ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), довольно подробно изучены в науке. Однако право, как известно, не ограничивается нормативными предписаниями, подвергающимися корректировке в зависимости от политико-правовых соображений. Коль скоро, современные ученые в большинстве своем рассматривают право в качестве более объемной категории, не совпадающей с сугубо позитивистским пониманием (тождественное законодательству), то и в уголовном праве имеют место перспективы такого развития научной мысли. Это подтверждает участвующая практика по критике нормативных предписаний, распространение жанра научных проектов уголовного кодекса России и др. В этой связи, мы полагаем целесообразным рассмотреть обычно упускаемый из виду обман как способ понуждения к действиям сексуального характера.

Генеральная посылка высшей судебной инстанции в очередной раз свела на нет сколько-нибудь активную дискуссию по данному вопросу. Так, известно, высшая судебная инстанция исходит из того, что «не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или как иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности действия лица, добившегося согласия потерпевшей на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить в брак и т.п.)» (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[1]).

Советское уголовное законодательство в объективную сторону состава понуждения включало лишь служебную и материальную зависимость, тогда как уже на тот период профессор Я.М. Яковлев обоснованно настаивал на целесообразности расширения состава посредством дополнения диспозиции признаком «и иные случаи зависимости». Ученый справедливо исходил из того, что основная цель, стоящая перед государством в данном случае, выражается именно в более полной охране объекта посягательства – половой свободы[2]. Этого концептуального направления, по нашему мнению, стоит придерживаться и сегодня. Однако ученые, исследующие данный состав преступления, ограничиваются законодательными рамками, постулируя лишь упомянутую правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, по-видимому, как единственно

верный вариант правовой оценки ситуации с обманом (М.Н. Ахмедов, О.Н. Дядькин, А.Н. Красиков, А.Н. Попов, В.П. Степалин и др.) [3].

В современных условиях противодействия сексуальному харассменту[4] мы полагаем неправильным исключать уголовно-правовую охрану половой свободы, на которую виновный посягает посредством обмана, что в целом соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ о кумулятивном эффекте общественной опасности противоправного посягательства, образуемого накоплением и наслоением ряда обязательных и факультативных признаков состава преступления[5].

Напомним, что именно признак общественной опасности в силу положений ч. 1 ст. 14 УК РФ выступает основанием криминализации того или иного деяния. Как правило, для признания акта поведения преступным, вопрос встает о том, посягает ли он на объект уголовно-правовой охраны? Подчеркнем, что основным непосредственным объектом анализируемого преступления обоснованно признается именно половая свобода. Для мотивированного ответа следует определиться, в чем же состоит сущность состава понуждения к действиям сексуального характера и обмана как его способа.

Криминализованные способы, перечисленные в ст. 133 УК РФ, например, шантаж, формируют порок воли потерпевшего (потерпевшей), отсюда констатируется нарушение свободы человека по ведению половой жизни в любом из ее аспектов. «Разбираемый состав преступления также хорошо иллюстрирует тезис о том, что при принуждении как преступлении в деянии виновного интересует не человек сам по себе, а его поведение: в данном случае, лицо ставит своей задачей добиться вынужденного согласия жертвы и совершения ею внешне добровольных действий»[6].

Как верно замечают авторы диссертационных исследований по половым преступлениям (Е. А. Котельникова [7], И. С. Алихаджиева[8]), понуждение к действиям сексуального характера преступно, потому что наличествует ограничение воли жертвы на вступление в половой контакт; при таком ограничении воли жертва не способна полноценно действовать в соответствии со своими намерениями, в результате чего, нарушается половая свобода.

В теории уголовного права ложные сведения характеризуются как одна из форм активного обмана, под которым понимается осознанное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания, путем действия или бездействия, при наличии вытекающей из закона или договора обязанности представить истинную информацию[9].

Заметим, что упречное формирование воли субъекта общественных отношений оценивается уголовным законом в зависимости от конкретного случая: с одной стороны, в качестве обстоятельства, вовсе исключающего преступность деяния (ст. 40 УК РФ); с другой стороны – в роли конститутивного признака ряда составов преступлений, где обман или злоупотребление доверием образуют способ преступления (ст. 110.1, 141, 150, 151.2, 159, 159.5, 165, 183, 283.1, 339 УК РФ).

При этом Пленум Верховного Суда РФ понимает преступный обман достаточно широко. Например, применительно к хищениям высшая судебная ин-

станция разъясняет его содержание через потенциальную возможность выражения: в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Стало быть, при охране отношений собственности (ст. 159 УК РФ, ст. 165 УК РФ) уголовный закон, в том числе в его понимании высшей судебной инстанцией, признает обман как способ преступления достаточно общественно опасным, а при охране половой свободы – нет. Между тем, в системе уголовного закона, где интересы личности, очевидно, стоят выше, чем права собственности, такой подход представляется, как минимум, непоследовательным. Кстати, в зарубежных правовых порядках мы видим такую же ситуацию. Так, израильский доктор права Асаф Хардуф называет это главным нормативным диссонансом в охране половой свободы личности — «notwithstanding its clear violation of sexual autonomy, sex obtained by fraud is usually not considered rape» (несмотря на явное нарушение сексуальной автономии, секс, полученный обманным путем, обычно не считается изнасилованием)[10].

Зарубежное уголовное право, в данном случае, не менее противоречиво и имеет аналогичные дефекты, ибо основанием криминализации того же изнасилования в странах общего права признается, так называемая, сексуальная автономия («sexual autonomy»), которая фактически тождественна половой свободе. В связи с этим, профессор права Рубенфельд полагает необходимым изменить подход к пониманию основания криминализации изнасилования, чем можно будет избежать выявленное противоречие[11]. А профессор Фальк заявила, что секс по обману действительно должен считаться изнасилованием[12]. Переводя последнюю мысль на наш социально-культурный контекст и особенности уголовного-правовой регламентации, речь идет, очевидно, именно о необходимости считать такое поведение преступным.

В свете предписаний Пленума Верховного Суда РФ о непреступном свойстве обмана в посягательствах на половую свободу, следует рассмотреть правовую характеристику обмана как такового.

Анализируя правовое значение обмана, В.В. Долинская и И.В. Шишко отмечают, что «если бы сторона, действовавшая под влиянием обмана, знала истинное положение дела, то она не дала бы согласия на заключение сделки. Сделка, заключенная под влиянием обмана, не соответствует истинным намерениям обманутой стороны. В силу этого, и римское право, и современные законодательства не признают действительности сделки, заключенной под влиянием обмана»[13]. В этом мы усматриваем главный смысл, присущий обману, не только в гражданском праве, но и в уголовном. В действительности, разное понимание обмана в двух ведущих отраслях российского права свидетельство-

вало бы об упрекаемой Конституционным Судом РФ правовой неопределенности в регламентации общественных отношений и объективной невозможности предвидеть юридические последствия собственных действий. Коль скоро обман при совершении сделки влияет на порочное формирование воли лица, и сделка объявляется недействительной, то и неправомерно сформированная воля лица при вступлении в сексуальные отношения не должна быть безразлична для государства.

Иными словами, при обмане, равно как и при использовании криминализованного способа понуждения в виде шантажа, согласие жертвы на вступление в половую связь образуется под неправомерным психическим воздействием виновного.

Р.А. Сабитов при анализе уголовного закона демонстрирует, что обман может играть различные роли, но при этом создает соответствующие условия для посягательства или его маскировки. Кроме этого, названный ученый развивает свою мысль и совершенно верно заключает, что «обман, выступающий в роли способа уголовно-правового действия, с необходимостью порождает заблуждение обманутого относительно определенных обстоятельств. Под влиянием заблуждения обманутый ведет себя таким образом, что неизбежно наступают общественно опасные последствия, предусмотренные уголовным законом»[14].

Применительно к рассматриваемому нами составу преступления, можно сказать о реальной угрозе объекту уголовно-правовой охраны в виде возможности совершения действий сексуального характера с лицом, неправильно воспринимающим реальность по вине обманщика. Зная истинное положение дела, обманутое лицо не дало бы согласие на совершение действий сексуального характера с обманщиком.

Указанное обостряется возможностью воздействия на волю лица (более простой вариант реализации обмана) посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Как замечают Р.И. Дремлюга и А.В. Крипакова, «одним из принципов киберпространства является анонимность, что в первую очередь обеспечивает преимущества для всех форм преступных мошенничества и обмана [15].

Преступность, связанная с насилием, действительно подвергается качественной трансформации, потому что становится не только более сложной по исполнению, технически оснащенной, но и более интеллектуальной. Особенно верным здесь видится заключение О.В. Артюшиной, которая пишет: «Наблюдается тенденция снижения проявлений грубой физической силы и распространения более «тонкого» - информационного - воздействия на потерпевшего. Физическое насилие уступает место психическому[16]. Психическое (интеллектуальное) насилие и есть единственно противоправный признак состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

На наш взгляд, ложь и обман в интимном контексте могут быть оскорбительными, противоправными и общественно опасными, вопреки позиции высшей судебной инстанции и мнению многих современных ученых. Не вызывает сколько-нибудь обоснованных сомнений то, что обман воздействует на жертву

так, что вмешивается в независимый процесс формирования её воли на совершение тех или иных действий, в данном случае – сексуального характера. Игнорирование со стороны законодателя и правоприменителей обозначенного противоречия видится необоснованным. Такой подход идет вразрез с современной политико-правовой ситуацией по предоставлению достаточно высоких гарантий охраны, в том числе, уголовно-правовой неприкосновенности личности, её половой свободе.

Исходя из указанного, сферу применения состава понуждения к действиям сексуального характера следует расширить, включив деяния, связанные с обманом жертвы. Очевидно, что применение иного способа (например, обмана), в сущности, не лишает понуждение к действиям сексуального характера общественной опасности. Следовательно, нужно обеспечить уголовно-правовую охрану половой свободы от понуждения к действиям сексуального характера, что возможно, например, посредством дополнения диспозиции ст. 133 УК РФ таким способом, как «обман», либо введением общего состава преступления о понуждении лица к совершению тех или иных действий любыми способами.

Подчеркнем, уголовно-правовой потенциал проанализированного состава преступления необходимо увеличить, убрав формальные и маломотивированные границы, включив в него посягательства на половую свободу путем обмана. Риски излишней криминализации мы не наблюдаем, так как преступление остается в категории небольшой тяжести, а политико-правовые условия диктуют потребность во всестороннем обеспечении основных прав и свобод человека, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Литература

1. *О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 дек. 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.*
2. *Яковлев Я. М. Половые преступления : монография. Душанбе : ИР-ФОН, 1969. С. 225.*
3. *Дядькин О.Н., Ахмедов М.Н. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3. (48) С. 76.*
4. *Кокорева В. Харассмент на работе. Анализ споров // Трудовое право. 2020. № 2. С. 49.*
5. *По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.*
6. *Шевелева С.В. Принуждение как общественно опасное деяние // Lex russica. 2017. № 12. С. 68-83.*

7. Котельникова Е. А. *Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13.

8. Алихаджиева И. С. *Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности?* // *Уголовное право*. 2014. № 5. С. 7-10.

9. Гауфман Л.Д., Максимов С.В. *Преступления в сфере экономической деятельности*. М., 1998. С. 99.

10. Harduf A., Saif-Alden Wattad M. *The Law of Rights and the Law of Wrongs* // *Criminalizing Adult Incest*. November 25. 2019.

11. Rubinfeld J. *The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy* // *123 YALE L.J.* 1372 1379, 1402–03. 2013.

12. Falk P. J. *Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the Riddle of Rape-by-Fraud* // *123 YALE L.J.* 353, 365. 2013.

13. Долинская В.В., Шишко И.В. *Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации* // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 3. С. 127-142.

14. Сабитов Р.А. *Криминальные обманы и фальсификации: монография*. М., 2019. С. 125.

15. Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. *Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность?* // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 3. С. 161-169.

16. Артюшина О.В. *Насильственная преступность и IT-технологии* // *Lex russica*. 2019. № 9. С. 77-84.

Literature

1. *On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual* : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04 Dec. 2014 No. 16 // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. № 2.

2. Yakovlev Ya. M. *Sexual crimes* : a monograph. Dushanbe : IRFON, 1969. p. 225.

3. Dyadkin O.N., Akhmedov M.N. *Questions of qualification of compulsion to sexual acts* // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2018. No. 3. (48) p. 76.

4. Kokoreva V. *Harassment at work. Analysis of disputes* // *Labor law*. 2020. No. 2. p. 49.

5. *In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin*: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 No. 2-P // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2017. № 2.

6. Sheveleva S.V. *Coercion as a socially dangerous act* // *Lex russica*. 2017. No. 12. pp. 68-83.

7. Kotelnikova E. A. *Violent encroachments on sexual freedom and sexual inviolability: criminal-legal characteristics and problems of qualification : abstract. dis. ... cand. jurid. Nauk. N. Novgorod, 2007. p. 13.*
8. Alikhajeva I. S. *Crimes against the sexual integrity of minors and involvement in prostitution: is it possible to qualify collectively? // Criminal law. 2014. No. 5. pp. 7-10.*
9. Gaufman L.D., Maksimov S.V. *Crimes in the sphere of economic activity. M., 1998. pp. 99.*
10. Harduf A., Saif-Alden Wattad M. *The Law of Rights and the Law of Wrongs // Criminalizing Adult Incest. November 25. 2019.*
11. Rubinfeld J. *The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy // 123 YALE L.J. 1372 1379, 1402–03. 2013.*
12. Falk, P. J. *Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the Riddle of Rape-by-Fraud // 123 YALE L. J. 353, 365. 2013.*
13. Dolinskaya V. V., I. V. Shishko *Fraudulent actions under article 179 of the Civil code of the Russian Federation and article 165 of the Criminal code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2017. No. 3. pp. 127-142.*
14. Sabitov R.A. *Criminal deceptions and falsifications: monograph. M., 2019. p. 125.*
15. Dremlyuga R.I., Kripakova A.V. *Crimes in virtual reality: myth or reality? // Actual problems of Russian law. 2019. No. 3. pp. 161-169.*
16. Artyushina O.V. *Violent crime and IT technologies // Lex russica. 2019. No. 9. pp. 77-84.*